

22 Третьего месяца тепла 3127 года, день

«Мне снова не видно его лица. Очередной трус. А я никогда своего лица не прячу. Я же не трус. Не понимаю их. Ведь это так приятно, когда в последние мгновения жизни кто-то смотрит прямо тебе в глаза. Не на иллюзию или бесформенную маску, а именно на тебя. Признает твое существование и, главное, превосходство!»

— Локус! Ты все запомнил? — жесткий женский голос вернул его в реальность. Она всегда знала, когда он отвлекается. Она же его Мамочка.

— Конечно, Мамочка. Граф Эразельский — это моя цель. Основная. Его брат — второстепенная. Будет тридцать рыцарей охраны. Конный отряд. Удобнее всего подловить в Яром лесу. Я всегда слушаю тебя внимательно, Мамочка.

— Хорошо, Локус. Я знала, что ты плохой. Очень плохой. Самый худший. Можешь идти готовиться, — голос потеплел, да и к тому же сделал ему несколько комплиментов — Локус расплылся в улыбке.

— Послушайте, а он точно надежен? За такие деньги мне нужны стопроцентные гарантии, — недовольно пробормотал заказчик. Локус обжег взглядом перегородку. Если бы не она — ему хватило бы и секунды, чтобы переубедить этого урода, который посмел сомневаться в нем. Но женщина улыбнулась и кивнула на дверь — а значит, Локусу не нужно задерживаться.

— Для вашего заказа он подходит лучше всего... — услышал Локус, прежде чем закрыть дверь и улыбнулся — Мамочка всегда его защищала.

Стоило ему пройти по темному коридору и выйти в общий зал, как на него тут же уставились восемь пар глаз. Но ненастоящих — иллюзорных. А иллюзорные глаза всегда жутко бесили его.

Это была причина, почему он так и не подружился ни с кем из Старой Гвардии. Впрочем, лишь одна из множества. Все сидевшие за столами были мужчинами — что и неудивительно, так как их в первом наборе было большинство. Все они кутались в различные тряпки темных цветов, большинство даже в помещении сидело в походных плащах. Все они были старше него, все они работали за баснословные, как любила выражаться Мамочка, деньги, и все они являлись профессионалами — такими, что даже Локус не смог бы одолеть больше двух сразу.

Сам же Локус от них сильно отличался. На вид ему иногда давали тринадцать, иногда четырнадцать, хотя шестнадцать зим уже было у него за спиной. Обезличиванию себя черными тряпками он предпочитал легкую зеленую рубаху, кожаные штаны и два пояса. На первом красовались именные кинжалы — «Пырво» и «Зрак», давно уже ставшие продолжением его рук — на втором же просто метательные ножи, которые было не жалко потратить. Лицо Локус не закрывал никогда. За это не раз видел листовки с наградой за свою голову, да вот беда — ничего примечательного в нем не было: поставь его в ряд с обычными деревенскими пацанами — и у каждого второго будет такой же нос, а у каждого первого — скулы. Про растрепанные волосы цвета грязи можно было даже не упоминать, а неумехи художники — умелые-то

зарабатывали своими картинами, а не работой на стражу — портили образ еще сильнее. Так что, даже когда он пару раз подходил с листовкой к стражникам и спрашивал: «А кто это такой, господин стражник?» — ни один из служивых не дал правильным ответом повода себя прирезать, а потому такое занятие Локусу быстро наскучило. Что же касается денег — Мамочка всегда давала ему нужную сумму на расходы для снаряжения, а ни для чего другого они ему были не нужны. Самым же большим различием между Старой Гвардией и Локусом было именно отношение к убийствам. Для одних это была лишь работа, а для другого — жизнь.

Не став задерживаться в зале, он прошествовал до своей комнаты. Около нее уже ждала девчонка лет десяти, детскую красоту которой портили два незаживающих пореза на щеках — она обновляла их еженедельно.

— Привет, большой братец! Как там Мамочка? — радостно заулыбалась она при виде Локуса.

— Мамочка занята, — юноша, наученный однажды болезненным опытом, замедлил шаг и внимательно посмотрел под ноги. — Ты опять вредительствуешь?

— Нет, что ты! Просто хотела с тобой повидаться! Ты что, не веришь мне, большой братец? — девчонка попыталась надуться — получилось не очень. А после четкого «нет» от Локуса она не удержалась от жизнерадостного смеха. — И правильно, Мамочка сказала, что мне нельзя верить даже себе, только ей. Ну, бывай, большой братец, рада была повидаться!

Посмотрев вслед беззаботно упрыгавшей девчонке, Локус зашел в свою комнату и не успокоился, пока не нашел кусок битого стекла у себя на кровати.

«Когда она додумается, что прятать можно не один, а больше, старуха-лекарша точно ее прибьет», — немного рассеяно подумал юноша, пытаясь дотянуться до перевязей с дополнительными ножами, оставленных им под кроватью. Рука нащупала какой-то камушек, попытавшись сдвинуть который, юноша почувствовал укол в палец. «Додумалась-таки! Такая мелкая, а хочет забрать у меня статус худшего! Не позволю! Пожалуюсь Мамочке, и та ее утихомирит на недельку. Я, и только я имею право быть здесь худшим из худших!» — раздраженно пронеслось в голове у парня, после чего он достал-таки ножи и занялся подготовкой к миссии. Нельзя же ему подвести Мамочку.

* * *

20 Третьего месяца тепла 3127 года, день

Прошел всего час с того момента, как вампир выбрал удобную полянку для привала, а небо затянулось тучами и начал моросить противный дождь. С легким неудовольствием посмотрев на эту картину — час назад же дуло совсем в другом направлении, какого лешего ветер так резко переменялся? — вампир предпочел не создавать массивный купол, который мог привлечь лишнее внимание, а потому просто создал несколько банальных шатров из крови. Те, кто не желал промокнуть — а это все, кроме Мирии — с удобством в них разместились.

Зверодевушка же разделась донага и, отойдя немного дальше в лес, радостно подставляла каплям тело. Больше всего этот жест понравился Альвире, с завидным постоянством выглядывавшей из палатки, но даже она этого не поняла — при наличии такого количества магов душ можно было принять в любой момент. Вампир же вспомнил кое-что из давних рассказов зверодевушки. Уважительно хмыкнув, он пробормотал: «Лучше так, чем аутоагрессия» и что-то про тешащееся дитя, после чего скрылся в своем шатре.

Впрочем, вскоре его одиночество было нарушено — внутрь вошла слегка промокнувшая эльфийка, понуро опустив голову.

— Эм... Альвира сказала, что вы хотели поговорить со мной, как только я проснусь. Ну... я проснулась, — Эфириэль переминалась с ноги на ногу и не решалась подойти ближе к вампиру, который парил в воздухе.

— Уверена? А может, ты просто гуляешь во сне? — Мист прищурился и задумчиво взглянул на эльфийку. Пока та лихорадочно думала, как ей ответить, он уже лениво махнул рукой. — Ладно, расслабься. Я не думал, что все настолько запущено. Дай угадаю, ты ведь, даже побывав на войне, еще никого не убивала? И, вероятнее всего, именно из-за этого и попала в плен?

— Ну... я была магом поддержки — накладывала щиты во время боя, лечила после. Как-то не приходилось...

— Не оправдывайся — в общем-то, не иметь за собой трупов гораздо более нормально, чем иметь... Просто ты опередила время веков этак на пять, при лучшем раскладе. В общем-то, меня теперь интересует другое — как ты пережила рабство и тюрьму, не получив толком ни физических, ни, что еще более удивительно, психологических травм. Ведь сейчас ты, по сути, все такая же домашняя девочка, какой и была в своем лесу. Это как-то связано с эмпатией или тату на твоём теле?

— Ну... да. В общем, я могу не только читать чужие эмоции, но и лучше контролировать свои. А потому большую часть времени я их и приглушала... иначе было слишком больно. Вы ведь тоже эмпат, понимаете, о чем я?

— Во-первых, не вы, а ты. Во-вторых — понимаю, хотя и не сказал бы, что такой навык обычно входил в базовый набор эмпата в моем мире. Ну да ладно. А что с тату?

— Базовый набор, э... Гхм, тату — в них накапливается мана на крайний случай. Обычно она нужна для сильного заклинания, но в тюрьме она поддерживала во мне жизнь, даже когда приходилось голодать. У Бишты тоже такие есть, но у нее маны было меньше. Если бы не запас, мы обе выглядели бы как Джумира, — эльфийка поежилась от такой мысли. Вампир же запомнил имена тифлинга и химеры. Кстати насчет последней — глаза Миста чуть скосились в сторону палатки, где уложили бывших пленниц.

— Понятно. Значит, я правильно сделал, попросив своих спутников избавить тебя от амулета и

браслета сразу же по прибытии. Как я погляжу, твои тату уже начали накапливать новый запас.

— Да... да, — эльфийка резко погрузилась, неверно интерпретировав слова вампира. — Я... я бы хотела извиниться за свою наглую ложь... Я понимаю, что вы... что ты вряд ли согласишься... Но я... я бы хотела попросить...

— Я не отказывался от своего обещания. А ты не сможешь отказаться от своего. Поэтому, как я и сказал, я доставлю тебя в лес. Ну, а тебе нужно всего лишь привести меня к источнику — в тексте клятвы ничего не было сказано про разрешение от совета. Хоть посмотрю, как он выглядит.

— То есть... то есть, вы мне поможете? — в глазах эльфийки, светящихся надеждой, стояли слезы.

— Ты еще спроси: «Даже не смотря на мою ложь?» Нет, стоп, на самом деле не нужно спрашивать, — вампир жестом остановил эльфийку. — Да уж, с чувством юмора у тебя совсем беда. Хотя, полагаю, прочитай ты подобный диалог в книге, смогла бы уловить шутку. Не суть. В общем, теперь ты пусть и временный, но полноценный член отряда. Впрочем, за ложь тебе будет наказание.

— Наказание? — только что радостная эльфийка вновь потупилась, пытаясь скрыть мелькнувший в глазах страх. — Да, конечно, я понимаю...

— Отныне буду тебя называть глупой эльфийкой, пока не докажешь обратного, — ехидно оскалился вампир.

— Серьезно? И в чем суть такого «наказания»? — поинтересовалась у него зверодевушка, когда он поделился с ней этой идеей.

— Небольшой психологический трюк. Поначалу она будет только рада такому наказанию — по сравнению с рабством ей это покажется несусветной мелочью. Потом, когда она придет в себя, ей понемногу начнет надоедать — всех называют по имени, а ее — глупой. Затем еще и станет стыдно — особенно когда я буду к ней так обращаться в ее же лесу. Через какое-то время она попытается мне неудачно доказать, что она, на самом деле, умная. Позже мысль о таком обращении не будет выходить у нее из головы, даже когда меня не будет рядом, а это сделает ее внимательнее. Наконец, в какой-то момент она сделает что-то полезное, и я назову ее по имени... а еще лет через триста она будет вспоминать всю эту игру с такой ностальгией, что засветится от радости, когда я вновь назову ее глупой, прибыв ненадолго в гости.

— О... оу, — только и смогла ответить тогда зверодевушка. — Я как-то позабыла, что ты можешь вот так запросто спланировать даже подобные забавы на столетия вперед.

Эльфийка перед ним и впрямь светилась от радости — уже в который раз за один разговор. Если бы она знала, что такое «американские горки» — то согласилась бы, что это сравнение

идеально подходит для описания цикла перемены ее эмоций. Но она этого не знала, а потому сейчас просто щебетала слова благодарности, радуя слух вампира невероятно мелодичным голосом.

— Итак, с тобой мы, наконец, все решили, так что если нет вопросов, пора заняться другими бывшими пленниками.

Переместившись в шатер, используемый как лазарет, вампир и эльфийка наткнулись там на Дифуса, с интересом рассматривавшего девушек. Причина его пребывания здесь вампиру была ясна — Эфириэль он тоже уделил много внимания поначалу.

— Ну как, ощутил, что мир гораздо больше, чем подгорный город и острова? Что он не ограничивается людьми и орками? — вместо приветствия поинтересовался вампир. Дифус задумчиво кивнул.

— Да... нет, я и раньше, конечно же, знал... читал... понимал... но увидеть вживую рядом с собой настолько отличающиеся формы жизни — это нечто совсем другое.

— Формы жизни, надо же. Ты только больше так не говори — вслух, по крайней мере, — хмыкнул вампир.

— Ой, точно, это явно было грубо, — спохватился парень, после чего поинтересовался: — А вы пришли их вылечить?

— Лечить их будет время, а мы просто постараемся помочь, настолько возможно. Ну что, глупая эльфийка, с кого начнешь?

— Что? — Эфириэль недоуменно посмотрела на вампира, но секунду спустя вспомнила: — Ой, извините, я просто... в общем, думаю, мне проще будет начать с Бишты. Если я волею достаточно маны, то смогу запустить ее процессы восстановления.

— Когда-нибудь я вытравлю из тебя эту манеру постоянно извиняться, но это будет позже... Бишту так Бишту, только для начала позови себе в помощь Катора. Вперед, глупая эльфийка, вперед!

Стоило Эфириэль убежать, как вампир повернулся к Дифусу.

— Смотрю, химера тебя явно заинтересовала?

— Я... это, наверное, прозвучит очень глупо, — парень заколебался. — Просто... я всегда любил кошек. А она выглядит так... похоже на кошку. Вот мне и стало интересно, какая у нее на ощупь шерсть.

— А, всего-то. Так попробуй, — вампир подбодрил его улыбкой.

— Правда? Думаю, это грубо...

— Да ладно, кошкам же нравятся, когда их гладят. Вот и ей, должно быть, понравится.

Долго уговаривать парня не пришлось, и вскоре он осторожно потянулся к химере. «Чистый интерес, ни грамма пошлости. Вот только она этого не знает», — отметил про себя вампир и заранее поднял руку. В следующий момент когтистая ладонь остановилась в двадцати сантиметрах от лица Дифуса, ударившись о кровавый барьер. Попытавшись было вскочить, химера вновь рухнула на землю, но постаралась отползти к краю шатра. Упершись в него и поняв, что ей некуда бежать, она с трудом выставила вперед когтистые руки и зашипела.

— Убери лапы! Не трогай! Без спроса! Уйди! — говорила она короткими, простыми и отрывочными предложениями. Явно не успела выучить язык хорошо — способностей вампира у нее не имелось.

Заметив, что никто не думает на нее нападать, химера с недоверием наклонила голову, пытаясь вновь оценить обстановку. Извинившийся парнишка ее уже не интересовал — она прекрасно слышала, что подначивал его именно вампир. Тот же спокойно наблюдал, не пытаясь пока приблизиться.

— Дифус, сходи за едой — может, если ты ее покормишь, тогда она даст себя погладить, — все еще насмешливо бросил вампир. Когда парень удалился, он подошел поближе и присел недалеко от химеры.

— Смеешься? — уже тише прорычала Джумира, приняв во внимание общую атмосферу.

— Ты, наверное, хотела сказать «издеваешься»? Ага, есть такое, — вампир ухмыльнулся. — А нечего было так долго притворяться. И вообще, ты прекрасно знала, что парень сидел тут уже битый час, хотел бы облапать — давно бы это сделал. А ты его чуть скальпа не лишила. Какая злюка.

— Я бы ударила кулаком, — буркнула химера, внимательно рассматривая собеседника. — Ты не очередной... кха-кха... торговец рабами. Кто ты?

— Твой случайный спаситель. Путешественник. Иномирянин, как и ты. Тот, кто снял с тебя кандалы и желает тебя вылечить. В общем, у тебя есть масса причин мне доверять, и гораздо меньше — этого не делать. Так может, перестанешь скалиться?

— Тоже из мира другого? Как я? Пусть. Но не бывает. Добра без причины. В чем твоя? — при упоминании кандалов она скользнула взглядом по тем местам, где они были. Вид проплешин заставил ее поморщиться.

— Хочу заполучить тебя в свой отряд. В смысле, добровольно, как хорошего воина, а не рабыню в кандалах. Доброта как предоплата, — не стал скрывать вампир.

Пока Джумира обдумывала услышанное, в шатер уже вернулась Эфириэль вместе с Катором. Поначалу химера шарахнулась и от них, но стоило эльфийке заговорить, как она успокоилась — узнала в ней бывшую пленницу. Поддавшись на уговоры, она позволила им обоим себя осмотреть, хотя и следила за действиями мага с огромным недоверием.

— Ну и как, ваша магия может ей чем-нибудь помочь? — поинтересовался вампир, заметив, что Катор отошел от химеры.

— Ее — может, — маг кивнул на сосредоточенную эльфийку. — Даже не представлял, что наши понятия о магической медицине могут так отличаться, — по горящим глазам было понятно, что теперь у эльфийки будет с кем поговорить. — Впрочем, по большей части все равно восстановление будет идти за счет природных особенностей организма, а не магии. Ей придется пару месяцев побыть на усиленном питании, да и заняться тренировками — она сильно потеряла в объеме мышц, даже ходить будет трудно какое-то время.

Прекрасно слышавшая это химера только в очередной раз скривилась, но внезапно дернулась и несколько раз втянула носом воздух. Зрачки девушки расширились, а из приоткрытого рта потекла слюна. Оценив ее обоняние, вампир хмыкнул — Дифус вернулся в шатер с едой только через минуту.

— Мирия подсказала? — вампир оценил ассортимент, состоящий в основном из фруктов и овощей.

— А, да... она, — лицо парня было излишне румяным. — Я хотел взять мяса, но она заметила и сказала, что его нельзя давать сразу после голодания...

— Все правильно — мне и самому стоило уточнить для тебя этот момент, — по мановению руки вампира все принесенные яблоки слетелись в одну кучу. Вокруг них появилась кровавая сфера, постепенно уменьшавшаяся в размерах. Подхватив одну из принесенных мисок, вампир подставил ее и наполнил яблочным соком. Повторив так несколько раз, он кивнул пареньку и эльфийке.

— Назначаю вас следить за ней. Сегодня ничего, кроме яблочного сока — одну миску раз в два часа. Завтра можете попробовать давать яблоки целиком, послезавтра — остальные овощи. Мясо не приносить дня до пятого, иначе ей станет только хуже. Катор, ты тоже проследи за этим, — раздав указания, вампир сам взял миску и подошел к химере, которая все это время так и не отвела взгляда от корзины с продуктами, не обращая внимания на уже немалое количество слюны, что натекло ей на грудь. Увидев перед собой миску, она попыталась вцепиться в нее зубами, но вампир вовремя поймал ее и не дал сжать челюсти. Только после того, как он осторожно влил в ее рот сок, химера немного пришла в себя, ее взгляд снова стал осмысленным. Убедившись, что его приказы услышаны, вампир попрощался и вернулся к себе в шатер.

Следующие несколько дней прошли совершенно спокойно и мало чем отличались: неспешный полет в сторону столицы, привал где-то в середине леса и охота, вновь полет, вновь привал... На этот раз скучать не пришлось даже зверодевушке — большую часть своего времени она проводила, помогая с тренировками упрямой химере. Та уже на второй день отказалась от лежачего режима и пыталась вновь освоить ходьбу, опираясь на крепкое плечо Мирии, с которой они быстро подружились. Тренировки продолжились и у Альвиры с Дифусом, а Катор разрывался между эльфийкой и дворфом, пытаясь набрать побольше знаний у обоих. Неожиданностью оказалось то, что тифлинг пока что так и не очнулась — эльфийка предположила, что после истощения резервного запаса в своих тату она перешла в некое особое состояние, которое вампир быстро соотнес с гибернацией, но со стыдом призналась, что не может помочь ей выйти из него — ей не хватало знаний. На что вампир напомнил ей о зимней спячке у животных и сказал не переживать лишний раз — ведь вполне возможно, что мана просто должна восполниться природным путем. Привычный уклад прервался лишь на шестой день, когда вампир уже собрался объявить окончание очередного привала...

— Что там? — зверодевушка отвлеклась от созерцания довольной химеры, которую наконец накормили мясом, и повернулась к вампиру. Тот сделал еще несколько громких вдохов и спокойно ответил:

— Кровь.

— В той стороне вроде была видна дорога... Думаешь, опять разбойники? — Мирия задумчиво посмотрела туда, куда указал вампир.

— Вряд ли. Утром мы обогнали конный отряд, который направлялся в эту сторону — а на него никакие разбойники не решились бы напасть. Пожалуй, пойду проверю. Ты за главную.

Взлетев, вампир резво понесся над кронами деревьев, корректируя курс согласно запаху. Его источник обнаружился быстро — посреди дороги была свалка из трупов всадников и их лошадей. Причину смерти определить было нетрудно — из каждого тела вампир достал по несколько метательных ножей, поразивших цели в уязвимые точки. Впереди валялись несколько разрезанных веревок, концы которых так и остались привязаны к деревьям. Оглядевшись, он прикинул приблизительную картину событий: вот продвигаются всадники, вовремя замечают веревки, останавливаются; пока их быстро перерубают, из леса начинают лететь ножи, поражая тех, кто не успел надеть шлем; командир приказывает отступить, наплевав на потери.

«Значит, явно кого-то или что-то защищают. И, наверняка, даже ожидали засаду, — сделал вывод вампир. — Но погоня, судя по запаху от еще нескольких трупов впереди, продолжилась. И только затем отряд оторвался».

Пока вампир размышлял, насколько велика вероятность того, что за трупами кто-то вернется, из леса вышел одинокий подросток.

— Эй, уважаемый господин, это мои ножки. Отдайте, или я вас убью, — вместо приветствия произнес он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/30492/721791>